Рамзан пришел не на пустое место

Почему тема преследования мусульман-рохинджа в далекой Мьянме вызвала резонанс в Грозном и в Москве?

Тема преступлений против мусульман Мьянмы уже больше года активно обсуждается в исламском публичном и сетевом пространстве, в том числе – в русскоязычном.

Политическая повестка российских мусульман и политическая повестка российского публичного пространства отличаются, причем уже довольно давно. Российские мусульмане живут с отчасти своей лентой новостей, для российских мусульман политическая картина мира выглядит иначе, чем для большинства остальных российских граждан.

Это связано и с дискриминационной информационной политикой мировых СМИ (а контент российских СМИ по исламской теме производен от них), и с репрессивной по отношению ко многим мусульманам политикой федеральных и региональных правоохранителей в России, и с тем, что российские мусульмане глубоко интегрированы в глобальную исламскую проблематику. Пример тому – отъезд в Сирию достаточно многих людей для участия в военных действиях не только в составе «Исламского государства» (группировка запрещена в России по решению суда), – первые добровольцы поехали воевать еще в свободную сирийскую армию.

Если говорить о Рамзане Кадырове, то обострение ситуации в Мьянме резонирует с его интересами стать лидером всех российских мусульман. Что-то на этом пути у него уже получилось, сейчас у главы Чечни есть один конкурент – «Исламское государство». Сейчас можно говорить, что Рамзан Кадыров – один из двух главных политических проектов, между которыми вынуждены выбирать российские мусульмане.

Значительная часть наших мусульман имеет много вопросов по поводу того, какой ислам исповедует Кадыров, но это не мешает ему занимать позицию защитника и лидера мусульман, даже в большей степени в России, чем в самой Чеченской республике. И это давняя политика Кадырова – митинг в Грозном в январе 2015 против карикатур на пророка Мухаммеда в защиту религиозных ценностей, в защиту ислама, тоже был заявлен как миллионный.

Денис Соколов

Что это вообще за явление – исламские митинги?

Публичная активность мусульман существует давно, она развивалась во многом в правозащитном ключе, потому что мусульман за религиозные убеждения в России преследуют с конца 1990-х годов. «Неправильный ислам» с этого времени постепенно криминализировался – начиная с 1998 года в Дагестане, когда был принят «закон о запрете ваххабизма».

За счет обмена социальными практиками, за счет того, что часть мусульман были включены в движение Братьев-мусульман и партию «Хизб-ут-Тахрир» (запрещена в РФ) сформировались устойчивые исламские практики коллективных действий: и офлайн-митингов, и онлайн-компаний отдельных мусульман и целых движений по защите преследуемых единоверцев, права женщин носить хиджаб в общественных местах, по защите Корана. Рамзан Кадыров, используя эту ситуацию, пришел далеко не на пустое место. Мьянма обсуждалась независимо от него, он просто придал этой истории технологичность, подключил финансовые и организационные ресурсы. Кампания раскручивалась заранее и это позволило собрать много людей, но это не искусственный митинг,

это собственная позиция собравшихся в Москве, Грозном и Махачкале людей.

Специалисты утверждают, что рохинджа, которые стали поводом для митингов в России, не ангелы и среди них активную роль играют радикальные элементы. Получается, что протестующие солидаризируются с исламскими радикалами?

Вопрос радикального ислама очень тонкий – Кадыров пытается консолидировать всех или почти всех мусульман, а мусульмане имеют разные убеждения. Радикализация – это вопрос не религиозной идеологии, это вопрос конкретного человека, который в разной форме и степени склонен защищать или продвигать свои убеждения. Это даже отчасти возрастное явление – если мы посмотрим, в большинстве акций и массовых протестах участвуют люди молодые – это люди, которые только приходят в жизнь и сталкиваются с проблемами социализации, с проблемами дискриминации, с пресловутым «стеклянным потолком». Можно говорить, что мусульмане сейчас в той или иной степени и России и в мире затравлены СМИ и экспертами, в том числе, и из-за «Исламского государства». Из каждого утюга говорят про исламский терроризм, про исламских радикалов. Коллективная репутация работает в обе стороны – если я должен каждый раз доказывать, что я не верблюд, что я не радикал и что со мной можно иметь дело, то, возможно, проще уже не доказывать, а зарабатывать себе очки и самореализоваться именно там, куда тебя уже определили. Кадыров это прекрасно понимает – он и его технологи эти настроения чувствуют совершенно замечательно. И последние год или два даже те мусульмане, салафиты в том числе, кто имеет претензии к главе Чечни как к мусульманину, – они всё равно признают полезность его действий и даже готовы с ним сотрудничать, если он будет защищать ислам и защищать мусульман.

На митингах звучали лозунги, направленные против буддистов. Насколько возможна конфронтация между буддистами и мусульманами?

Конфронтация уже существует и риск её усиления присутствует. История с перенаправлением социальных протестов в межэтнические или религиозные конфликты стара, как мир. И это, конечно, опасная история.

В активной исламской среде практически ничего не изменилось — обсуждалась Мьянма, она и обсуждается. Единственное что, в повестке появилась возможность поехать в Мьянму. Потому что «Лорд» Магомед Даудов *(председатель парламента Чеченской республики — «Платформа»)*, якобы сказал, что он купит билет любому, кто захочет туда поехать. Ну и вообще опция «поехать в Мьянму защищать мусульман» теперь существует.

Что во всей этой ситуации делать российским властям?

Российские власти действуют в своей логике и что-то рекомендовать им совершенно бессмысленно. Они прекрасно знают, что делать, они прекрасно знают свои риски и единственное, что меняется — баланс между силовиками и либералами постепенно сдвигается в сторону баланса между силовиками и, условно, Кадыровым. Вопрос, насколько долго Кадыров пробудет в этой роли, поскольку никто не вечен, особенно такие рисковые игроки. Но, в любом случае, альтернативы для российской политической элиты постепенно сдвигаются к более брутальной повестке. Кадыров как хороший кутюрье опережает соперников — он первый делает то, что потом в разных редакциях повторяют остальные, он сегодня безусловный лидер борьбы за традиционные ценности, против глобализации и постмодернизма. И еще: конкуренция силовиков и Кадырова выглядит более органично в российской современной реальности, чем конкуренция силовиков и либералов, у которых нет никаких реальных ресурсов — ни силовых, ни финансовых, ни электоральных, — а способность разговаривать с США и Европой теряет актуальность в силу отсутствия самого диалога и разворачивающейся санкционной войны.

Смена баланса поменяет и игроков, которые хотели бы на этом балансе поиграть. Но это уже следующая серия.